

хороша, прелестъ! Щѣлый день заняты. Живемъ, какъ хотимъ, просто.

«Его дѣло—романъ, писаніе. Я учусь по-англійски, рисую, читаю. Играемъ въ четыре руки. Право, мы блаженны, что любимъ такую жизнь, и счастливы, что создалась такая жизнь. Левочка все своихъ «Казаковъ» правляетъ. Надняхъ отошлетъ къ Каткову. Да еще маленькую повѣсть «Поликушку»,—такъ себѣ, порядочная.

«Скажу тебѣ подъ секретомъ, что онъ можетъ быть настъ опишеть, когда ему будетъ 50 лѣтъ.

«Цыцъ только!»...

Иныя ихъ письма дышать молодымъ, безотчетнымъ весельемъ.

Ихъ правильная, счастливая жизнь отражалась, какъ солнечный лучъ, на окружающихъ ихъ. Своимъ теплымъ и участливымъ отношеніемъ они привлекали къ себѣ не только близкихъ людей, но и тѣхъ, кому приходилось просто посѣщать ихъ. Въ нихъ чувствовалось отсутствіе эгоизма, несмотря на то, что Левъ Николаевичъ часто обвинялъ себя въ эгоизмѣ; но если этотъ недостатокъ и былъ въ немъ, то запрятанъ былъ куда-то очень далеко.

Взглядъ Льва Николаевича на эгоизмъ отчасти виденъ изъ слѣдующей выписки изъ его письма ко мнѣ:

«Да, вотъ я и разсуждаю уже второй день, что очень грустно оттого, что на свѣтѣ всѣ